

Серия
«Памятники литературы»

Ф. Петрарка

**МОЯ ТАЙНА,
ИЛИ КНИГА БЕСЕД
О ПРЕЗРЕНИИ К МИРУ**

Переводчик — **М. О. Гершензон**

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 82-83
ББК 84(0)4
ПЗ0

Автор:

Петрарка Франческо (1304—1374) — итальянский поэт, один из величайших деятелей итальянского Проторенессанса.

Переводчик:

Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — российский литературовед, философ, публицист и переводчик.

Петрарка, Ф.

ПЗ0 **Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру / Ф. Петрарка ; переводчик М. О. Гершензон. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 151 с. — (Памятники литературы). — Текст : непосредственный.**

ISBN 978-5-534-09198-4

«Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру» – творение выдающегося представителя эпохи раннего Возрождения Франческо Петрарки. Представленная книга включает в себя три беседы, составленные в форме диалога между Августином и Франциском. В ней раскрываются различные этические и нравственные проблемы: об основе человеческого счастья и несчастья и понимании собственного предназначения, о борьбе моральных противоречий в душе человека, его стремлении к возвышенной любви и к инициативной деятельности. Эта книга по монументальности поднятых в ней моральных вопросов является одним из достопримечательнейших памятников литературы.

Для философов, историков, искусствоведов и всех интересующихся.

12+

УДК 82-83
ББК 84(0)4

Содержание

Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру.....	7
Вступление	9
Начинается беседа первая	12
Начинается беседа вторая.....	41
И начинается беседа третья.....	79
Письмо к потомкам	133
Новые издания по дисциплине «История зарубежной литературы» и смежным дисциплинам.....	144

**МОЯ ТАЙНА,
ИЛИ КНИГА БЕСЕД
О ПРЕЗРЕНИИ К МИРУ**

Вступление

Часто и с сокрушением я размышляю о том, как я вошел в эту жизнь и как мне придется уйти из нее. И вот случилось недавно, когда я лежал не объятый сном, — хотя обыкновенно больной дух бывает внезапно охвачен дремотой, — а томимый страхом и в вольном сознании, я увидел пред собою женщину неопи-суемого сияния и блеска. Что это была дева, — обнаруживали ее одежда и лицо. Неведомо как она вошла, и я, ошеломленный необычным светом, не смел поднять глаза навстречу лучам, которые струило солнце ее очей. Войдя, она сказала: «Не трепещи, и пусть невиданное явление не смущает тебя. Я жалилась над твоим блужданием и издалека сошла сюда, чтобы еще вовремя подать тебе помощь. Довольно, слишком довольно был донине прикован к земле твой отуманенный взор. Если эта смертная юдоль так сильно прельщает твои глаза, что же, ты думаешь, будет, когда ты поднимешь их на вечное?» Выслушав эти слова, еще не оправившись от страха, я едва выговорил в ответ дрожащим голосом стих Марона:

Как величать тебя, дева? Твой вид не подобен обличью
Дщерей земли, ни твой голос — их голосу...¹

«Я — та, — отвечала она, — которую ты с изысканным изяществом воспел в нашей «Африке», кому ты, не уступая диркейскому Амфиону, с удивительным искусством и руками истинного поэта воздвиг лучезарное и прекрасное жилище на крайнем западе, на вершине Атласа. Итак, слушай спокойно и не страшись, видя ту лицом к лицу, которая тебе давно коротко знакома, что ты доказал своей сладкогласною песнью». Едва она кончила речь, я, соображая все признаки, сразу понял, что говорящая должна быть самой Истиной, ибо я вспомнил, что именно ее дворец на вершине Атласа я описал. Но не знал я, из какой страны она явилась, однако был уверен, что она могла прийти только с неба. Поэтому, горячо желая увидеть ее,

¹ Здесь и далее стихи в переводе Вяч. Иванова.

я поднял глаза, но — увы! — человеческий взор не мог вынести небесного света, и я снова потупил глаза. Она, заметив это, после краткого молчания начала опять и опять заговаривать со мною и ничтожными вопросами принудила меня к долгой беседе с нею. Я понял, что это мне вдвойне полезно, так как, во первых, я становился немного более сведущим, во вторых, самая беседа успокаивала меня, так что я постепенно получил возможность прямо смотреть на это лицо, которое вначале устрасило меня своим чрезмерным блеском; и которое теперь я мог созерцать без смятения. Объятый дивным очарованием, я не сводил с нее глаз. Когда же я стал озираться, чтобы узнать, привела ли она кого-нибудь с собою или совершенно одна проникла в мое глухое уединение, я увидел рядом с нею престарелого и почтенного мужа величественной наружности.

Не было надобности спрашивать его имя: его благочестивый вид, скромное чело, серьезный взгляд, размеренный шаг, священная одежда и в то же время римское красноречие достаточно ясно обнаруживали в нем преславного отца Августина. К тому же в его облике было нечто столь чарующее и внушительное, чуждое всем другим людям, что я не посмел расспрашивать. Однако я не остался бы безмолвным, я подбирал уже слова вопроса, и они уже готовы были сорваться с моих губ, как вдруг я услышал из уст Истины то сладкозвучное для меня имя. Обернувшись к нему и прерывая его глубокую задумчивость, она сказала: «Дорогой мне из тысяч Августин, ты знаешь, что этот человек тебе предан, и не тайна для тебя, сколь опасною и долгой болезнью он одержим, которая тем ближе к смерти, чем менее сам больной осознает свой недуг. Поэтому необходимо теперь принять меры к сохранению жизни этого полуживого, каковое дело благочестия никто из людей не может исполнить лучше, чем ты. Ибо он всегда страстно любил твое имя, а всякое учение имеет то свойство, что оно гораздо легче внедряется в душу слушателя любимым наставником; и если нынешнее твое блаженство не заставило тебя забыть бедствия, пережитые тобою в то время, когда ты был заключен в темнице плоти, — ведь и ты перенес многое, подобное тому, что он терпит; а если так, то ты — наилучший целитель изведанных тобою страстей. Поэтому, хотя безмолвное размышление приятнее всех других вещей, прошу тебя — прерви это молчание твоим святым, мне необыкновенно приятным голосом и попытайся, не удастся ли тебе каким либо способом ослабить столь тяжкий

недуг». На это он: «Ты — моя возжатая. Ты — моя советница, утешительница, госпожа и наставница; зачем же Ты велишь мне говорить, когда сама присутствуешь здесь?» А она: «Пусть ухо смертного поразит человеческая речь: ее он снесет спокойнее. Но дабы он считал сказанным мною то, что от тебя услышит, я буду лично присутствовать». — «Как любовь к больному, — сказал он, — так и почтение к повелевающей заставляют меня повиноваться». Тут, ласково взглянув на меня и отечески обняв, он повел меня в самую уединенную часть дома, причем Истина шла несколько впереди. Там мы все трое сели, и началась долгая беседа с той и другой стороны. Истина же молча взвешивала наши слова, и других свидетелей не было. Так как предмет разрастался, то беседа затянулась на три дня; и хотя в ней было сказано многое против нравов нашего века и о грехах, общих всем смертным, так что эти упреки были обращены, казалось, не столько ко мне, сколько ко всему человеческому роду, однако я глубже запечатлел в своей памяти то, что являлось личным призывом ко мне. Потому-то я и решил столь душевную беседу воспроизвести письменно, для того чтобы она не исчезла, и ею-то наполнил эту книжку. Не то чтобы я хотел умножить ею число моих сочинений или искал от нее славы, — нет, высшую цель лелеет мой ум: хочу, чтобы ту сладость, которую я однажды вкусил в беседе, я мог так часто вкушать при чтении, как только пожелаю.

И потому ты, моя книжечка, должна избегать людских сборищ и, верная своему имени, довольствоваться моим общением, ибо ты — моя тайна и так будешь называться, и в часы возвышенных размышлений ты будешь втихомолку напоминать мне все то, что ты запомнишь из сказанного втихомолку. А для того, чтобы не употреблять слишком часто, как говорит Туллий, «сказал я», «сказал он» и чтобы придать беседе такой вид, как будто она ведется тут же присутствующими, я разделил мысли моего славного собеседника и мои не местоимениями, а нашими именами; этот литературный прием я заимствовал у любимого мною Цицерона, который сам перенял его у Платона. Но чтобы не отвлекаться более, вот какими словами он первый заговорил со мною.

Начинается беседа первая

Августин

Что скажешь, человече? О чем грезишь? Чего ждешь? Или не помнишь, что ты смертен?

Франциск

Конечно, помню, и всякий раз мысль эта наводит на мою душу смятение.

Августин

О, когда б ты в самом деле помнил это, как ты говоришь, и заботился бы о себе! Этим ты значительно облегчил бы и мой труд, ибо неопровержимо верно, что для того, чтобы презирать соблазны этой жизни и сохранять душу спокойною среди стольких мирских бурь, нельзя найти средства более действительного, нежели сознание собственной ничтожности и постоянная мысль о смерти, при условии, что эта последняя не скользила бы поверху, а внедрилась до мозга костей. Я сильно опасаясь, что в этом деле, как я замечал у многих, ты сам себя обманываешь.

Франциск

Каким образом, скажи? Мне очень понятны твои слова.

Августин

Ибо из всех ваших дел, о смертные, ни одно не возбуждает; во мне такого удивления и содрогания, как то, что вы умышленно поддерживаете ваши бедствия, притворяетесь, будто не видите грозящей опасности, и гоните от себя эту мысль, когда она невольно навязывается.

Франциск

Как так?

Августин

Думаешь ли ты, что същется такой сумасброд, который будучи постигнут опасной болезнью, не желал бы страстно здорovia?

Франциск

Я никого не считаю столь безумным.

Августин

Что же? Думаешь ли ты, что кто-нибудь может быть так нерадив и вял духом, чтобы, желая чего-нибудь всей душою, не добиваться этого всеми силами?

Франциск

И этого не думаю.

Августин

Раз мы с тобою согласны насчет этих двух вещей, мы должны быть согласны и насчет третьей.

Франциск

Что же это за третья вещь?

Августин

Что как тот, кто, в глубоком и сосредоточенном размышлении сознав себя несчастным, желает не быть несчастным и у кого зародилось такое желание, старается осуществить его, — так тот, кто добивается этого, может и достигнуть. Ибо опытом дознано, что единственной помехою для этого третьего является отсутствие второго, как единственной помехою для второго является отсутствие первого. Таким образом, прежде всего должно существовать то первое, которое есть как бы корень человеческого спасения; вы же, безрассудные, и ты, столь изобретательный на собственную гибель, вы стараетесь вырвать из вашей груди этот спасительный корень всеми арканами земных приманок, что, как я сказал, удивляет и ужасает меня, и потому справедливо терпите двойную кару: и тот корень оказывается исторгнутым, и все остальное становится невозможным.

Франциск

Спор этот, как я подозреваю, слишком долговат и требует многих слов. Поэтому, если угодно, отложим его на другое время

и остановимся несколько на предшествующей, пока я смогу увереннее подвигаться к дальнейшему.

Августин

Необходимо считаться с твоей медлительностью; поэтому останавливайся всякий раз, когда найдешь нужным.

Франциск

Я не улавливаю той последовательности, о которой шла речь.

Августин

Что здесь темного и какое сомнение явилось у тебя теперь?

Франциск

Потому что есть множество вещей, которых мы страстно желаем и усердно добиваемся, но к которым никакое усилие, никакое рвение не приблизили и не приблизят нас.

Августин

Не спору, что это верно относительно других вещей, но в отношении того, о чем идет спор, это противоречит истине.

Франциск

Почему?

Августин

Потому что, раз человек желает избавиться от своего жалкого состояния, и желает искренно и сильно, — такое желание не может оказаться безуспешным.

Франциск

О, что я слышу! Ведь очень мало есть людей, которые бы не чувствовали, что им много недостает, и которые бы не сознавали себя из за этого несчастными; насколько это верно, может понять всякий, обратив взор на самого себя. Отсюда следует, что совершенная полнота благ делает человека счастливым, если же одного из них недостает, человек в этом пункте чувствует себя несчастным. Общеизвестно, что все люди желают, но лишь немногие смогли сбросить с себя этот груз своего бедствия. Ибо сколь многих терзают непрестанною скорбью либо телесная немощь, либо смерть близких, либо заключение в темнице, либо изгнание, либо бедность? И мало ли еще

существует подобных напастей, которые было бы так же долго перечислять, как их трудно и горько переносить: все они, хотя крайне тягостные для тех, кто их терпит, однако, как видишь, человеку не дано стряхнуть их с себя. Таким образом, по моему мнению, невозможно сомневаться, что многие несчастны помимо и против своей воли.

Августин

Приходится вернуть тебя далеко назад и, как обыкновенно поступают с ветреными и отсталыми подростками, то и дело повторять весь ряд доводов с самого начала. Я считал тебя человеком более зрелого ума и не думал, что ты нуждаешься в столь ребяческих напоминаниях. И точно, если бы ты укрепил в своей памяти те верные и в высшей степени ценные изречения философов, которые ты неоднократно перечитывал вместе со мною, если бы далее — скажу с твоего позволения — ты старался не для других и в чтении стольких книг искал руководства для своей жизни, а не средства стяжать мимолетную хвалу толпы и повода к пустому тщеславию, — не стал бы говорить так нелепо и невежественно.

Франциск

Не знаю, к чему ты ведешь, но уже теперь краска стыда залила мое лицо, и я испытываю то же, что школьники, когда учителя их бранят. Ибо как они, еще прежде чем услышат название совершенного ими проступка, помня за собою многие вины, робеют при первых словах укора, так я, сознавая свое невежество и свои многочисленные заблуждения, хотя еще и не понимаю, куда клонится твоя речь, покраснел прежде, чем ты кончил, потому что знаю, что нет вины, которой нельзя было бы поставить мне в упрек. Итак, прошу тебя, скажи мне яснее, в чем ты укоряешь меня так строго?

Августин

Еще во многом другом, кроме того, о чем скажу сейчас; но прежде всего меня возмущает твое предположение, что кто-нибудь может быть или сделаться несчастным против своей воли.

Франциск

Я перестал краснеть, ибо что можно придумать более истинного, нежели эта истина? Или кто так несведущ в человеческих делах или так далек от всякого общения со смертными, чтобы